

# «ГОСПОДИНУ ЭЙЗЕНШТЕЙНУ, КОТОРЫЙ МНЕ СИМПАТИЧЕН...»

Об автографах на книгах  
из библиотеки С.М.Эйзенштейна

*Беседа с Наумом Клейманом*

Этот материал был сделан десять лет назад для одного из пробных номеров предполагавшегося критико-библиографического журнала «Читальный зал». Однако поскольку тому журнальному проекту не суждено было выжить и после первых пяти номеров он прекратил свое существование, мы решили некоторые из опубликованных в них текстов сохранить в историко-киноведческом обиходе, републиковав их в «Киноведческих записках».

*Редакция*

Библиотека Эйзенштейна—это как бы внутренность его мозга, вывернутая наружу. Это воплощение его интересов, связей между разными областями культуры. Нетривиален уже сам по себе состав библиотеки, о чем можно судить даже по тому, что сохранилось. Ведь эйзенштейновской библиотеки в полном виде сегодня нет, сохранилась в лучшем случае половина—другая разошлась. Многое ушло сразу после смерти Сергея Михайловича: что-то было роздано, а что-то друзья сами взяли («на память»). Пера Аташева по слепоте многое не видела. Не видела, что утаскивали. Ну, и сама, конечно, раздарила. Какие-то книги, оказались, к примеру, в домашнем собрании Сергея Иосифовича Юткевича. И у других тоже. Помню, как Евгений Андриканис говорил: «Мне Эйзенштейн подарил книжку Шуази “История архитектуры”». Но эта книжка стояла у Эйзенштейна на полке в ночь его смерти. Как он мог посмертно ему подарить? Значит, либо сам взял, либо Пера ему подарила. Потому что первые дни после смерти Эйзенштейна она, по ее рассказу, была настолько растеряна, что всем, кто приходил и говорил: «Я хочу на память об Эйзенштейне взять книжку», отдавала. Тогда она еще не вошла в роль хранительницы наследия... Немалую часть забрала Государственная Библиотека им. Ленина (книги, которых не было в их собрании), многие книги с автографами взяла в свое время, вместе с архивом Эйзенштейна, ЦГАЛИ (нынешний РГАЛИ).

В общем, то, что мы сейчас видим, это, конечно, сильно ампутированный мозг. Но все равно... Когда-нибудь, может быть, имеет смысл сделать обзор библиотеки Эйзенштейна—как связи между нейронами его мозга. Тут книги с книгами говорят, и открываются совершенно неожиданные связи. А сохранилась библиотека в полном своем составе, сколько бы она рассказала! Там были парадоксальные сочетания, которые сами по себе очень любопытны. Один из утерянных эйзенштейновских фильмов—это монтаж книг. У Эйзенштейна они стояли по темам. Потом библиотека перевозилась—сначала на Гоголевский бульвар, затем сюда; естественно, порядок нарушился. Но...

у нас на этот счет есть хорошая новость. Наследники Виктора Викторовича Домбровского, фотографа, передали Музею кино фотоархив, связанный с Эйзенштейном, и там вдруг нашлась фотография книжных полок Эйзенштейна (надеюсь, что сохранились и негативы, их, должно быть, больше). Если так, то мы можем восстановить, хотя бы по корешкам, состав отсутствующих книг. Это вообще безумно увлекательная задача, и если нам сейчас удастся с помощью фотографий реконструировать состав и структуру эйзенштейновской библиотеки, монтажный порядок книг, будет просто идеально.

Сергей Михайлович каждую книжку надписывал, в каждой книжке есть дата, указание места, где он ее купил. И это часть летописи его жизни. Если мы сейчас будем делать летопись жизни Эйзенштейна, то надо вводить туда даты покупки книг. Потому что они составляют контекст фильмов, над которыми он в тот или другой период работал, статей, которые тогда писал. Тем более, что он сам часто указывал на книжке, в связи с чем она была приобретена. Например, он пишет: «Ген. лин.». Это значит, что он работает над «Генеральной линией» и покупает какие-то определенные книги, которые интересуют его в данный момент—и в теории, и в практике. Все это тоже очень интересно. Самые неожиданные возникают ассоциации и отсылки к творческой практике.

И наконец третье: книги ему подаренные, с автографами дарителей. Из них тоже многое пропало. Мы, например, знаем—по воспоминаниям Никиты Богословского,—что был автограф Фрейда. Лично я его не видел. Когда я впервые пришел к Пере, автографа Фрейда уже не было. Отсутствует и многое другое. Скажем, автограф Мейерхольда—на монографии Волкова о нем. Ну и, конечно, автограф самого Николая Дмитриевича Волкова. Или... «Улисс» с автографом Джойса есть, а вот тот экземпляр «Улисса», который был весь разрисован и расписан Эйзенштейном, исчез, а ведь эти его маргиналии—материал бесценный. Куда он делся, мы не знаем. Как не знаем о судьбе других не менее ценных автографов. Они пропали безвозвратно. Знаем только, что такие существовали и, возможно, где-то, у кого-то сейчас находятся. Но даже те, которые сохранились, многое рассказывают. Есть довольно любопытные ниточки.

Посмотрим, как можно из книг, из посвящений на них извлечь информацию для корпуса самих фильмов Эйзенштейна или его замыслов.

## 1.

Вот, например, группа книг, связанных с одним из неосуществленных режиссерских замыслов.

**John W. Vandercook. Black Majesty.  
The Life of Christophe King of Haiti. New York.  
(Blue Ribbon Books, 1928)**

Как известно, Эйзенштейн хотел снимать «Черное величество». В Америке он наткнулся вот на эту книжку—«Черное величество. Жизнь гаитянского короля Кристофа». Джон Вандеркук—американский беллетрист, который писал в жанре беллетризированной

истории. Эта книжка рассказывает о восстании негров на Гаити. Король Кристоф—диктатор, который захватил власть после того как Наполеон убил Туссена Лувертюра, лидера гаитянских рабов, провозгласившего республику после Великой Французской революции. Раз «Свобода, равенство, братство», рассуждал Лувертюр, то для всех, и под знаменами Просвещения он начал гаитянскую революцию. Наполеон, испугавшись потери колонии, пригласил Туссена Лувертюра во Францию, и тот был убит в тюрьме. Негры возмутились, перебили всех французов, объявили черный террор. После чего революционный генерал Кристоф объявил себя королем, и на Гаити воцарилась диктатура с таким, я бы сказал, националистическим духом. До сих пор Гаити не может выйти из этого положения, диктатура там сохраняется.

Эйзенштейн заинтересовался самой ситуацией, когда местный революционный вождь после революции становится хуже колонизатора. Я думаю, это ассоциировалось у него с положением в России, он явно провел параллели между Сталиным и королем Кристофом. Между прочим, гораздо позже, в 47-м году, когда Эйзенштейн рисовал генеалогию своего «Ивана Грозного», он первым пунктом поместил: «Black Majesty». И в его предисловии к тому непоставленным сценариев, «несделанных вещей», который тоже не был осуществлен, есть прямая формулировка, отсылающая к этому материалу: «трагедия превращения революционного вождя в деспота».

Так вот, Эйзенштейн сначала купил эту книгу, прочитал ее, всё понял и—встретился с Вандеркуком. Так родилось это совершенно замечательное посвящение автора на титульном листе:

*Сергею Михайловичу Эйзенштейну. Белой (чтоб не сказать красной!) надежде кино. В надежде на наше сотрудничество, когда-нибудь (может быть!)—во славу нас самих и короля Кристофа. Джон Вандеркук.*

«...Белой (чтоб не сказать красной) надежде кино....» Помните? Боксерская ситуация: «белая надежда», «черная надежда»...? Вот и здесь: черная надежда, которая рухнула, и теперь «красная надежда»... Вандеркук надеялся, что Эйзенштейн сделает фильм по его книге. Эйзенштейн, конечно, не собирался делать фильм «во славу» короля Кристофа, но это, несомненно, первый шаг к тому фильму, который он замыслил.

Он накупил еще книжек о гаитянской революции, все, что мог тогда достать за границей, а в Мексике сделал первые рисунки на эту тему, совершенно фантастические. Но Голливуд, конечно, испугался, когда Эйзенштейн предложил эту тему. О восстании негров? В 30-м году?... Это было просто нереально. Хотя даже был актер—Поль Робсон.

**А. Виноградов. Черный консул. Кино-повесть.**  
**Библиотека «Огонька»**

Что же происходит дальше?... 9 мая 1932 года Эйзенштейн возвращается в Москву. И уже 28 мая получает в подарок от Анатолия Виноградова напечатанную в «Библиотеке “Огонька”» тоненькую книжечку с надписью:

*Сергею Михайловичу Эйзенштейну от искреннего почитателя. Анатолий Виноградов.*

Книжка как раз о первом периоде гаитянской революции, о Туссене Лувертьюре.

Мало того, что Виноградов работает параллельно над этим материалом, он еще и как бы адресует это кино (на титуле значится: киноповесть).

Эйзенштейн подает Шумяцкому заявку на «Черного консула». Шумяцкий отговаривается как может. Ему это, видно, сильно не нравится. Может, он тоже интуитивно угадывает параллель... «А где Вы возьмете Гаити?»—спрашивает Шумяцкий Эйзенштейна. Тот говорит: «В Сухуми. Там пальмы».—«А где Вы возьмете столько негров?»—«Выкрашим ваксой»,—говорит Эйзенштейн. И главное, считает Эйзенштейн, есть исполнители: на роль Туссена Лувертьюра Соломон Михозлс, на роль Дессалина, друга и сподвижника Лувертьюра,—Поль Робсон, которого он уговаривает приехать к Советский Союзу, и Робсон действительно приезжает к нам, хоть и с опозданием,—в 35-м. Но опять, как это уже было в Голливуде, всё рушится. Единственное, что успевает сделать Эйзенштейн, это этюды во ВГИКе. В книжке В.Б.Нижнего «На уроках режиссуры С. Эйзенштейна» (М., 1958 г.) хорошо описаны эти занятия, когда Эйзенштейн ставит со студентами эпизод «Побег Дессалина». Таким образом, хотя бы на репетиционной площадке небольшой кусочек этого нереализованного фильма он осуществил.

**«Черный консул». Историческая повесть**  
**в 3-х частях**

Но на этом история с гаитянским замыслом не кончается. В 1939 году выходит другая, уже более объемная, книга Анатолия Виноградова. В ней мы находим, во-первых, печатное посвящение, не повторявшееся в последующих изданиях (почему-то оно было редакторами снято):

«Сергею Михайловичу Эйзенштейну посвящаю эту книгу как память о встречах, дружбе и совместной работе».

И письменное:

*Автору от автора. Анатолий Виноградов.*

А также приписка:

*Промедление наших главков вторично на Вас и первично на мне гибельно отразиться готово. Анатолий Виноградов.*

Понимаете? «Вторично на Вас...» Он имеет в виду либо тот же замысел гаитянского фильма, другой его вариант, либо, может быть, «Мексику»... Скорее всего второй вариант этого замысла.

Да и сама эта книга возникает, видимо, как результат их многочисленных бесед по поводу будущего сценария. Известно, что они очень много встречались и разговаривали. И вот из огоньковской брошюры вырастает книга, очень популярная в свое время, мы все ее читали в детстве. Конечно, ее нельзя рассматривать как сценарий, но можно рассматривать как некую запись воображаемой картины.

Ну и в добавление ко всему в библиотеке Эйзенштейна оказывается еще вот эта книжка:

**История Туссеня-Лувертюра, Предводителя  
Негров, взбунтовавшихся в Сен-Доминге.  
Перевод с французского. Москва, 1803 г.**

С карандашной пометкой Эйзенштейна:  
*Куплена за 3 р. 50 коп. на развале у стены Никитских ворот в 1938 году.*

**2.**

**Исаак Бабель. «Беня Крик. Киноповесть», 1926.**

Здесь, правда, нет дарственного автографа самого Бабеля, но есть карандашная надпись Эйзенштейна:

*Летом 1925 года на ст. Немчиново мы работали над этим сценарием. Увы! Что из него стало!!*

Мы не знаем, какова доля Эйзенштейна в этом сценарии. Известно, что Эйзенштейн предложил определить Беню Крика в ряды зеленых, потому что ни к белым, ни к красным тот примкнуть не мог. Эйзенштейн предложил всю финальную ситуацию. А что еще, трудно сказать. Но это опять же—книжка, где скрыт неснятый фильм Эйзенштейна, который они по наивности планировали снимать параллельно с «Потемкиным».

**3.**

**К.С.Петров-Водкин. Пространство Эвклида.  
Моя повесть. Книга вторая. Рисунки автора.  
Издательство писателей Ленинграда, 1932**

*Сергею Михайловичу Эйзенштейну в память первой личной встречи. К. Петров-Водкин. 31 / V 1933 Москва*

И приклеена записка:  
*Дорогой Сергей Михайлович. Передавая Вам свой привет и восхищение, К.С.Петров-Водкин просит меня сообщить Вам о его желании встретиться с Вами где-нибудь в ресторане вечером в*

*ближайшие два дня до его отъезда в Ленинград. Сообщите, где и когда? Он хочет поговорить с Вами и со мной. Его телефон (он живет у С. Д. Мстиславского) 5-30-07. Ответ сообщите, пожалуйста, через меня, и я позвоню ему. Жду, когда? Ваш М. Бабенчиков. 29. V. 33 г.*

Приписано карандашом:

*Разговор будет об Ал. Иванове и «божественной перспективе».*

Это важно по многим причинам. Эйзенштейн занимается проблемой перспективы—в связи с крупным планом, глубинным построением кадра и т. д. И вот как всё сходится! С одной стороны—Петров-Водкин, который пытается интегрировать обратную перспективу в новую живопись, соединить классическую ренессансную и иконописную; с другой стороны—Эйзенштейн, который параллельно размышляет над этим. Я думаю, они, встретившись, говорили друг с другом об этой «божественной перспективе» и о том, что разыгрывалось окрест. Потому что через полтора года Эйзенштейн начинает «Бежин луг», где он намечает введение обратной перспективы в кино. Есть письмо к Владимиру Нильсену, которое хранится в РГАЛИ,—как раз относительно обратной перспективы; он предлагает использовать рирпроекцию... Нильсен отказывается, оставаясь с Александровым, а Эйзенштейн продолжает об этом много думать, и в «Грозном» он это делает, совмещая обе перспективные системы в пространстве кинокадра.

Таким образом, для меня за этой книгой, за этим автографом Петрова-Водкина открывается сразу несколько проблем. Теоретическая проблема: проблема структуры пространства в кино, над которой думал Эйзенштейн. Проблема изобразительной традиции, которую Эйзенштейн действительно доводит до иконописной и фресковой. Причем и европейской, джоттовской, и нашей, идущей от Византии. Проблема «Эйзенштейн и серебряный век», проблема соотносительности исканий Эйзенштейна с тем, что сделал Петров-Водкин в живописной системе с монументализмом нового типа, с отказом от камерной рамочности и т. д. Даже станковая масляная картина превращается у Петрова-Водкина в подобие фрески... Любопытно, что Эйзенштейн явно почувствовал какую-то родственность с ним. Но, видимо, сделал и определенные выводы из этого разговора. Хотя нигде не упоминает о нем, ни в одной теоретической работе.

#### 4.

Вот еще две книжки с весьма примечательными дарственными надписями. Обе считаются классикой французского киноведения. Первая вообще была главным источником по советскому кино для всей Европы—тогда, в 1928 году, когда начался наш мировой триумф.

**Leon Moussinac. Le Cinéma Sovétique. Paris, 1928**

«Советское кино» Муссиак написал после возвращения из России, где он был в ноябре 1927 года, на празднике 10-летия Октября. Он тогда общался с Эйзенштейном, тот развернул перед собеседником панораму советского кино, объяснил какие-то свои позиции в этом плане, так что книга—это отголосок их общения.

Эйзенштейн получил ее в августе 1928 года. Видимо, Муссиак с кем-то прислал. Надпись на ней следующая:

*Эйзенштейну. Эта книга, не полная, но с дружбой и восхищением.* <Нрзб.> *Леон Муссиак*

Любопытно, что когда Муссиак снова приехал в Москву, уже в 1961-м, во время кинофестиваля, он, посетив Перу Аташеву, взял эту же книгу и надписал уже Пере—как бы передал снова по наследству:

*Вторично увидев эту книгу в Москве, пишу это посвящение в знак верности и дружбы,—и памяти.*

*Леон Муссиак. Москва, июль 1961 г.*

**Leon Moussinac. L'âge igrat du Cinéma. Paris, 1946**

А вот вторая его книжка: «Неблагодарный возраст кино».

И новое посвящение Эйзенштейну:

*Мой дорогой Эйзенштейн. Вот свидетельство моих старых добрых чувств, моего восхищения и моей верности. С пожеланиями быстрого выздоровления и надеждой Вас вскоре обнять.*

*Ваш Леон Муссиак. Канны, 20 сентября 1946 г.*

Муссиак знал, что Эйзенштейн после инфаркта лежит в больнице... Отсюда эти слова «с пожеланиями быстрого выздоровления».

И снова, спустя годы, он приписывает Пере:

*Дорогая Пера, здесь в этой новой встрече в Москве вся глубина и взволнованность моего воспоминания.*

*Леон Муссиак. Июль 1961 г.*

**5.**

**Bryher. Film Problems of Soviet Russia. Switzerland, 1929**

Эту книгу, вышедшую в Швейцарии, написала англичанка, взявшая себе псевдоним: Брайер. Эйзенштейн получил книгу в 1929 году от Макферсона, мужа этой Брайер, когда он делал «Гене-

ральную линию». Видите, его рукой помечено: *«Генеральная линия, 3»*. Имеется в виду третий вариант фильма, после того как режиссеру дали очередные поправки. Дарственной надписи от автора на книге нет, есть только от Макферсона, ее мужа. И есть эйзенштейновский автограф.

Почему я эту книгу Вам показываю? Мало того, что Эйзенштейн вкладывает в нее листочки с выписками вроде этой: *«Лудовикин—темперамент. личн., Еврипид экрана, там, где Эйзенштейн—его Эсхил»*. За этой книгой стоит и любопытная история.

Эта самая Брайер (ее настоящая фамилия Элемон) была очень богатая английская аристократка, которая вышла замуж за критика и фотографа Макферсона. Приехав в Россию, она влюбилась в Эйзенштейна отчаянно. Это один из таких несостоявшихся, но во всяком случае очень значимых для Эйзенштейна романов. Находясь под обаянием Эйзенштейна, она взялась писать книгу о советском кино. И в этой книге тоже незримо присутствует Сергей Михайлович. В ней есть многое, что в других монографиях обходилось, не замечалось. Скажем, есть «Ваш сын» Евгения Червякова, картина, которая вообще не упоминается, даже в нашей истории кино. И есть еще много подобного, неканонического материала. Или... очень интересный и разумный взгляд на «Третью Мещанскую»... Все это, возможно, результат бесед с Эйзенштейном.

## 6.

Другая группа автографов отражает занятия Эйзенштейна психологией.

Сейчас модно говорить, что Эйзенштейн был фрейдистом, его пытаются сегодня фрейдистски истолковывать. Однако здесь, в эйзенштейновской библиотеке, представлены не одно, а три направления психологии.

Начнем вот с этой книги—«Совместные сновидения», на которой Эйзенштейн карандашом пометил: 19 22/1 30.

**Hanns Sachs. Gemeinsame Tagtraume.  
(Imago-Bücher/ Nr. V). Leipzig / Wien / Zürich.  
Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.**

Автор же написал:

*22 января 1930 года.*

*Берлин, от Ханса Сакса.*

*Тому, кто делает вклад в совместные дневные сновидения миллионов людей. С полным почтением посвящено автором.*

Ханс Сакс—ученик Фрейда, один из главных его последователей в Германии. Он выпустил эту книгу во фрейдовском издательстве «Имаго». (Кстати, он также написал блистательную статью о

«Потемкине» в журнале «Close up», которую Эйзенштейн высоко ценил.) Они встретились в Берлине 22 января 1930 г., т. е. в день рождения Сергея Михайловича.

Книга очень интересная с точки зрения психоанализа коллективной психологии. Это уже путь от классического психоанализа в сторону Юнга, в сторону архетипов коллективного бессознательного.

Другое направление—немецкая гештальт-психология—представлена в эйзенштейновской библиотеке книгой «Гештальт-психология»:

**Gestalt Psychology. By Dr. Wolfgang Köhler.**

Вольфганг Кёлер—самый главный гештальтист. Эйзенштейн, как было известно, выступал в руководимом им психологическом институте Берлинского университета с лекцией. Английское издание этого труда он купил в сентябре 1930 года в Голливуде. Но к книге приколото очень любопытное письмо Вольфганга Кёлера, свидетельствующее о том, что Эйзенштейн встречался и общался с автором в Берлине.

*Январь 30-го года. Берлин.*

*Психологический институт Берлинского университета.*

*Господину Эйзенштейну.*

*Высокоуважаемый господин Эйзенштейн! Коллега Левин остановил мое внимание на том, что Ваша творческая деятельность привела Вас к изучению психологических проблем выразительности, и в области наблюдений и размышлений заключено очень много важного. Я высоко ценю то, что учителя и ученики психологического института в Берлине могут постигать благодаря искусству, особенно такому, которое находится совсем в другой области деятельности. Вы оказали бы нам огромную честь, если бы могли в ближайшие недели, желательно до 1 марта, сообщить нам о Ваших разысканиях. А мы были бы рады, если бы Вы могли сразу ответить и назвать любые дни, которые Вам подходят, чтобы своевременно подготовить наше совместное занятие. С глубоким к Вам почтением. Ваш Кёлер.*

Это, конечно, не прямое дарение автора, но след «линии общения». Эйзенштейн получил приглашение, встретился с Кёлером, выступил в институте, а затем, приехав в Нью-Йорк, купил только что вышедшую книгу, но уже на английском языке.

И еще из области психологии: книга Хайнца Вернера «Введение в психологию развития».

**Heinz Werner. Einführung in die Entwicklungspsychologie.  
Leipzig, 1926**

Это уже третье направление: эволюционистская психология. Книга гораздо больше проработана Эйзенштейном, чем другие.

Вся исписана им, буквально на каждой странице. Это практически рукопись. Целое исследование.

На книге дарственная надпись Александра Романовича Лурия, известного советского психолога, с которым Эйзенштейн дружил и многое обсуждал. Вот что пишет Александр Романович:

*26. I. 1934 года.*

*Автор очень хотел подарить эту книгу С. М. Эйзенштейну. Я с охотой делаю это за него, тем более, что авторская надпись на экземпляре Pötzl'я приятна моему сердцу. Александр Лурия.*

В чем тут фокус? Лурия подарил Эйзенштейну книгу Вернера в ответ на переданную ему Эйзенштейном книгу Пётцля, одного из немецких психологов, который подарил свой труд Эйзенштейну с надписью. Я не знаю, как называется та книга, это надо выяснить в библиотеке Лурия, которая находится в большей части в Институте психологии МГУ. Книга Вернера, по-видимому, чрезвычайно важная для Эйзенштейна, он несколько раз на нее ссылается.

## 7.

### 100 Chinese picture-words

Это брошюра «100 китайских иероглифов», подаренная Эйзенштейну Джейм Лейдой.

*For S.M.E. from J.L.*

Эйзенштейн получил эту книжку 31 мая 1939 года из Нью-Йорка. У нее тоже очень интересная история.

Эйзенштейн, как Вы знаете, изучал японские иероглифы еще на гражданской войне. И весь первый период его режиссерской биографии, практически до середины 30-х годов, прошел под знаком Японии, преобладающим знаком его восточных интересов. А в 30-м году начался поворот к Китаю—под влиянием двух людей: Мэй Ланьфана, приезжавшего сюда на гастроли, и Поля Робсона, который, кроме того, что был замечательным актером и певцом, был еще и крупным филологом-синологом, знал китайский язык. Приехав в Россию, он совершенно потряс Эйзенштейна своими знаниями синологии. Именно он рекомендовал Эйзенштейну книгу Марселя Гране «Китайское мышление» (Marcel Granet. *La pensée Chinoise. Paris*), из которой Эйзенштейн почерпнул основные сведения о китайской письменности, китайском языке, китайской психологии и т. д. Она сохранилась в эйзенштейновской библиотеке. Второй том этого труда называется «Китайская цивилизация». Он проработан Эйзенштейном гораздо меньше, некоторые страницы не разрезаны. А в первом томе—смотрите, сколько закладок, пометок и т. д. Собственно, эйзенштейновская «Неравнодушная природа» выростала отсюда. Занявшись сначала китайским театром, затем китайской психологией и мышлением, Эйзенштейн, видимо,

попросил у Джея Лейды эту брошюру—ключ к китайской письменности. Потом он уже сам писал о китайских иероглифах и их японском чтении.

Как видите, и эта книжка имеет богатую генеалогию.

## 8.

### **Upton Sinclair. Oil. Long Beach, Calif., 1927**

Роман Эптона Синклера «Нефть»—довольно известный, он является классикой американской литературы. К сожалению, нет даты, когда Эйзенштейн эту книгу получил. Я думаю, что до того, как он поехал в Америку.

И тут есть одна очень любопытная история. В 1926-м году, как Вы помните, приезжал Фэрбенкс приглашать Эйзенштейна в Голливуд, Эйзенштейн работал тогда над «Генеральной линией» и «Октябрём» и не поехал. А в 28-м году начались хлопоты с поездкой для изучения техники звукового кино. Американский публицист Альберт Рис-Вильямс (довольно известный человек, был другом Джона Рида) рекомендует Эйзенштейну хлопотать через Синклера о возможности посетить Америку. И Синклер, получив ходатайство Эйзенштейна и поддержав его (потом возникла история с «Мексикой», как бы послесловием ко всему), намекнул, что он был бы рад, если бы Эйзенштейн экранизировал один из его романов. Эта книга, которая была послана Эйзенштейну в Москву, была в своем роде предложением.

*Эйзенштейну. С наилучшими пожеланиями. Эптон Синклер.*

Я подозреваю, что вся трагическая история с «Мексикой», обнаружившая какую-то странную мягкость Синклера, который не знал, на чью сторону встать и в конце концов Эйзенштейну изменил, была еще замешана на обиде, что Эйзенштейн не взялся экранизировать синклеровский роман.

Кстати, это не первый случай, когда Эйзенштейн отказывается от писательского предложения. Точно так же он отказался экранизировать Горького, который высказывал такое желание.

## 9.

### **Edmund Wilson. Axel's Castle. A Study in the imaginative Literature. New York—London, 1931**

А это классика американской модернистской критики: «Замок Акселя». С подзаголовком: «Изучение литературы воображения. 1870–1930 гг.»

Эдмунд Уилсон—можно сказать, Белинский англоязычной литературы, на которого они молятся по сей день. Самый крупный теоретик литературы. А Малькольм Каули—самый авторитетный литературовед 30-х годов. Знаменосец современной критики.

*Харту от Малькольма и Пегги Каули. Von Voyage.*

Как же эта книга попала к Эйзенштейну, коль скоро подарена не ему, а некоему Харту? Я не знал, кто такой Харт. Но приехала американская исследовательница кино Аннет Майклсон, попросила литературу, связанную с Джойсом (она тогда писала работу «Джойс и Эйзенштейн»), и, когда взяла в руки эту книгу, прямо-таки присела от изумления. «Вы знаете, кому это подарено?!» — сказала она. «Нет, — говорю, — не знаю». — «Харту Крейну! Это наш знаменитый экспериментальный поэт, который в 32-м, если не ошибаюсь, году бросился с Бруклинского моста в Гудзон, покончив жизнь самоубийством». Подобие нашего Маяковского. И никто никогда не знал, что Эйзенштейн с Крейном встречался. Однако эта книга — знак того, что они встретились, потому что именно в 1931 году Харт отправился в Мексику, когда Эйзенштейн там снимал.

Эту книгу Эйзенштейн опять-таки проработал чрезвычайно внимательно. Здесь заметки о внутреннем монологе в литературе от Золя до Джойса и о возможностях внутреннего монолога в кино.

Таким образом, дарственная на книге прочерчивает целую линию.

## 10.

### **Ulysses. By James Joyce**

Это тот самый экземпляр «Улисса», в котором слепой Джойс наощупь сделал запись своего имени и даты встречи:

*Джойс. Париж. 30.11. 1929.*

Совсем лаконичная надпись. Но бесценный знак. Эйзенштейн в мемуарах очень хорошо описывает, как слепой Джойс надписывал эту книгу. Эйзенштейн даже не разрезал этот экземпляр. У него был другой, который годом раньше ему привезла по его просьбе Айви Вальтерновна Литвинова. Тот экземпляр Эйзенштейн весь расписал. А эта книга была у него святыней.

## 11.

### **Lillian Hellman. The Searching Wind. A play in two acts. The Wiking press, New York, 1944**

Это пьеса Лилиан Хеллман «Ищущие ветра». Надпись на книге датирована: март 1945 года, а Эйзенштейн получил книгу, как гласит его собственная пометка, 25 июля того же 45-го года. Поздуреваю, что Лилиан Хеллман ее послала по почте, и книга где-то блуждала, пока не достигла Эйзенштейна.

*Сергею. С воодушевлением, с уважением. Лилиан. Март 1945.*

Заметьте, не «Сергею Эйзенштейну» и не «Лилиан Хеллман». Довольно фамильярно, не правда ли? Это знак очень добрых отношений.

Они встречались в ВОКСе, есть фотографии, где они вместе сняты, оба очень грустные.

Тем более удивляет, что после Лилиан Хеллман выпустила воспоминания, в которых довольно странно написала об Эйзенштейне...

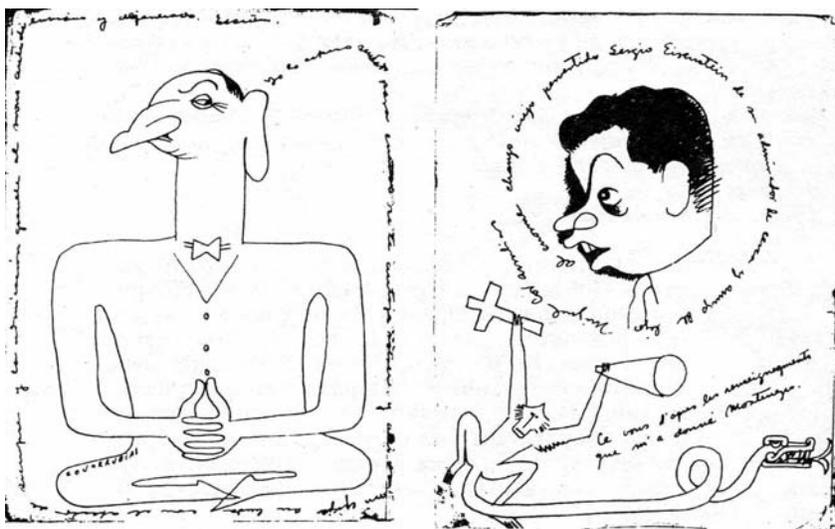
## 12.

### John Huston. Frankie and Johnny. Albert E.Charles Bonj, New York, 1930

17 ноября 1930 года в Голливуде Эйзенштейн получает подарок: книжку «Фрэнки и Джонни», написанную начинающим писателем по имени Джон Хьюстон. Еще не режиссером. С иллюстрациями мексиканского художника Коваррубиа. Который еще не известен, а Коваррубиа. На ней следующее посвящение-рисунок. Коваррубиа нарисовал себя, нарисовал Эйзенштейна и сделал вот такую надпись, по-испански:

Справа:

*Огромной старой извращенной мартышке Сергею Эйзенштейну от его близкого почитателя и далекого друга Мигеля Коваррубиа.*



Слева:

*Сидя жду, пока Вам заблагорассудится вернуться, и мое изображение в виде Будды отправляется к Вам с чувством вечной преданности и огромного восхищения к допотопной и выродившейся обезьяне. Пишите.*

И приписка на французском:

*Это вы по сведениям, которые мне сообщил Монтенегро.*

В этом рисунке-посвящении, с одной стороны, обыграна маска, избранная Эйзенштейном для общения с американской писательницей Кэтрин Энн Портер, когда та приезжала в Мексику смотреть, как они снимают. Она тогда влюбилась в Гришу Александрова, была совершенно покорена им, его голубоглазостью и обходительностью. Это было предметом шуток Эйзенштейна. Кэтрин Энн Портер оставила воспоминания об Эйзенштейне. В новелле «Хасиенда» она представила Эйзенштейна в виде этакой обезьяны, которая все время дурачится. Эта маска очень напугала ее и очень насмешила всех друзей Эйзенштейна, в том числе художников Габриэля Фернандеса Ледезму и Роберто Монтенегро, сообщившего об этом Коваррубиасу.

С другой стороны, здесь как бы отыграны первые опыты Эйзенштейна в области «Grundproblem». В это время он развивал идею регресса сознания на патологический уровень.

### 13.

#### **Leopold Stokowsky. Music for us. New York, Simon and Schuster, 1943**

Это Леопольд Стоковский: «Музыка для всех нас». (Портрет Стоковского висел у Эйзенштейна с дарственной надписью.) И вот здесь приклеено письмо:

*6 декабря 1943 года.*

*Дорогой господин Эйзенштейн!*

*Я путешествую и как раз получил Ваше сообщение. Разумеется, я вспоминаю наши встречи в Мехико. Я как раз сейчас снова дирижирую здесь, и страна развивается замечательно. Я встретил господина Уманского, которого я знал. Отдельно я посылаю Вам свою книгу, написанную для миллионов людей во всем мире, которые инстинктивно любят музыку, но мало о ней знают. Многие из них хотели бы знать больше о музыке, но иногда находятся под влиянием предубеждения людей, которые думают, что они потому не любят определенную музыку, что она «плоха» для них, и что они любят другого типа музыку, которую должен любить каждый. Я стараюсь дать более широкое видение величия музыки и всех других искусств. Я не уверен, что эта книга заинтересует Вас, потому что Вы как художник так зрелы и великолепно развиты, но я надеюсь увидеть эту книгу переведенной на русский язык,*

*так как я знаю по личному опыту, побывав в России, как много миллионов там страстно любят музыку.*

*Как только кончится война, я приеду в Россию и надеюсь вновь встретиться там с Вами. У меня есть идея фильма с музыкой, которую я хотел бы обсудить с Вами.*

*Искренне Ваш,  
Леопольд Стоковский.*

Известно, что Эйзенштейн хотел привлечь Стоковского для того, чтобы озвучить «Мексику», и Стоковский сказал, что придет хоть в Сахару дирижировать. Однако это не состоялось...

1943 год. Зачем Эйзенштейн пишет Стоковскому? Мы не знаем содержания его письма. Но я думаю, что он хотел пригласить этого дирижера для «Ивана Грозного». Как раз в это время начинаются съемки картины. И было логично пригласить дирижера из Америки, коль скоро американцы были заинтересованы в «Грозном». Ведь они купили «Грозного» на корню—осуществили, так сказать, предпокупку, дали деньги, на которые «Грозный», собственно, и снимался.

#### 14.

**Gordon Craig. Henri Irving. New York—Toronto,  
Langmans Green and Co, 1930**

С патриархом современной режиссуры Эдвардом Гордоном Крэггом Эйзенштейн встретился 19 апреля 1935 года в Москве. Великий английский режиссер, безуспешно ведущий переговоры о своей постановке в Малом театре, пригласил Сергея Михайловича на ужин в ресторан «Метрополь». Это приглашение было, безусловно, лестно для него: Крэг, крупнейший представитель символистского театра, постановщик прославленного «Гамлета» на сцене МХТ в начале века, оказал несомненное влияние на Мейерхольда, учителя Эйзенштейна, и «ужин с патриархом» был знаком признания и проявлением преемственной связи трех поколений режиссуры. Конечно, Эйзенштейн сознавал, что многие постановочные идеи Крэга принадлежат прошлому (он написал 6 апреля 1940 года короткую горькую заметку об этой встрече—«Вечер с Крэггом», включенную в состав «Мемуаров»), но относился к заслугам англичанина с огромным почтением. На встречу в «Метрополе» Эйзенштейн захватил эту книгу, купленную им еще в Голливуде, и Крэг надписал ее, нарисовав также заходящее солнце над морем (он жил тогда в Италии).

*С.М.Эйзенштейну от Гордона Крэга и всего, что осталось от этого!*

Позднее в письмах из Рима Крэг наивно звал Эйзенштейна приехать к нему в гости—полюбоваться пейзажами и сокровищами искусства.

## Kiki. Souvenirs

Эту книгу подарила Эйзенштейну с надписью и рисунком знаменитая «Кики де Монпарнас»—так называла себя Алиса Ирин, модель и подруга многих художников «монпарнасской группы» (Модильяни, Леже, Ман Рея, Фуджиты), актриса, баловавшаяся живописью. Ее кисти, в частности, принадлежит «наивный» портрет Эйзенштейна на фоне корабля («Потемкина»?), висевший в его квартире на Путьлихе. В сентябре 1929 года «монпарнасская группа» устроила в честь приезда Эйзенштейна в Париж вечеринку в кабачке сюрреалистов «Бык на крыше». Именно здесь Кики подарила Эйзенштейну свои «мемуары» с надписью, снабженной рисунком.



*Господину Эйзенштейну, который мне симпатичен, потому что я тоже люблю большие корабли и моряков. От Кики, 1929. Париж. «Бык на крыше». Сентябрь 1929.*

В том же экземпляре, на последних страницах, поэт Робер Деснос записал слова весьма озорных песен, которые Кики пела

на этой вечеринке. Книга эта—зримое свидетельство дружеских связей наших новаторов и французских авангардистов в «бурные двадцатые годы»—связей, много обещавших искусству и грубо прерванных в 30-х годах политическими событиями в СССР, Германии, Испании...

## 16.

### **Jose Klemente Orosco. New York, Dephic Studios, 1933**

*Товарищу Эйзенштейну. Клементе Ороско. Нью-Йорк, 1933.*

*Моему другу художнику Эйзенштейну сердечно. Альма Рид. Ноябрь, 1933, Нью-Йорк.*

Этот альбом «Эйзенштейн получил 22 ноября 1933 года, через полтора года после встречи с великим американским художником Хосе Клементе Ороско, которого он ценил больше, чем Диего Риверу и Давида Альфаро Сикейроса. Он даже пытался организовать приглашение Ороско в СССР, написав в 1934 году заметку, в которой призывал поручить именно мексиканскому муралисту роспись новых монументальных зданий в Москве. Разумеется, из этого ничего не вышло.

В том же году Эйзенштейн передал этот альбом Пере Аташевой с надписью по-испански:

*Моей дорогой солдадере от всего моего сердца. Ее старик. Москва. IV. 1934.*

Это был не только намек на образ Солдадере с фресок и картин Ороско, вдохновивший его на (неснятую, увы!) новеллу «Солдадере» в фильме «Да здравствует Мексика!». В этой надписи отразилось и понимание роли Перы Моисеевны в жизни Эйзенштейна: она действительно была его «солдаткой», сражавшейся за своего «старика» до последнего дня жизни.

Записал **Александр Трошин**

*(«Читальный зал», № 4, 1996 г.)*